

На правах рукописи

Котеленко Дмитрий Геннадьевич

«Концепт исламизма в политической теории»

Специальность: 23.00.01 – теория политики,
история и методология политической науки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Ростов-на-Дону
2005

Работа выполнена на кафедре политической теории
факультета социологии и политологии
Ростовского государственного университета

Научный руководитель

доктор философских и доктор
политических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России
Макаренко Виктор Павлович

Официальные оппоненты

доктор философских наук, профессор
Зинченко Геннадий Павлович
кандидат философских наук, доцент
Милованов Юрий Евгеньевич

Ведущая организация

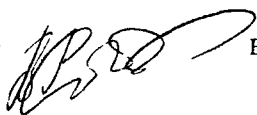
**Ростовский юридический институт
МВД России**

Защита состоится 15 сентября 2005 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета К.212.208.01 по политическим наукам при Ростовском государственном университете по адресу: 344038, г Ростов-на-Дону, пр.Нагибина, 13, факультет социологии и политологии.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ростовского государственного университета (ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан «15» августа 2005 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

В.Н.Рябцев

2006-4
10410

2161057

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

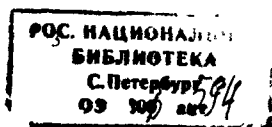
Актуальность проблемы. На протяжении XX века в социальных и политических науках преобладала идея об ослаблении роли религии в жизни общества. Основные версии этой идеи - теория модернизации и теория секуляризации. Они базируются на постулате эпоха религиозных войн позади; поэтому влияние ислама на внутреннюю и внешнюю политику мусульманских государств падает. Однако в период от 1-й мировой войны до 1970-х гг. ислам играл значительную роль в антиколониальных движениях и региональных конфликтах, на конференции 1969 г. в Рабате главами государств и правительств 22 мусульманских стран была создана Организация Исламская конференция. В 1979 г. произошла исламская революция в Иране. После этого правительства мусульманских стран стали интенсивнее обращаться к исламу как основанию политики. Это вызвало замешательство в научных и политических кругах США и СССР. Начался поиск ответа на вопросы: какова роль ислама в политике? является ли ислам угрозой светским государствам?

Окончательного и общепризнанного ответа на эти вопросы нет. Зато положительный ответ принял форму идеологии. Ее яркий пример - теория С.Хантингтона о столкновении цивилизаций. На рубеже XX-XXI вв. она приобрела незаслуженную популярность, в том числе в России.

Крах советской авантюры в Афганистане, распад Югославии и СССР усилили интерес к исламизму. На Балканах и Северном Кавказе началось исламское возрождение. Террористы наносили удары по торговым центрам в США. Продолжалась гражданская война в Алжире. Ширилось движение Талибан в Афганистане. В Судане установилось шариатское правление. В России вспыхнула война между режимами Б.Ельцина и Д.Дудаева. Наконец, под влиянием событий 11 сентября 2001 г. тема исламизма заполонила СМИ. Приобрела статус интеллектуально-политической моды. В этой ситуации указанные вопросы еще более обострились.

Сегодня для многих исследователей очевидно: теоретическое решение проблемы исламизма затруднено. Социально-политический контекст превалирует над аналитическими принципами. А варианты решений обычно ограничены отдельными аспектами проблемы. Политический заказ порождает множество некорректных обобщений и псевдотеоретических конструкций. Анализ данных трудностей определил содержание исследования.

Степень разработанности проблемы. Понятие *исламизма* используется в работах многих авторов. Обычно признание *исламизма* понятием базируется на гносеологической посылке, понятия непосредственно связаны с реальными фактами (феноменами), нейтральны, объективны и нуждаются только в уточнении. В рамках данной общей посылки

можно выделить несколько тенденций

Одной из них является онтологизация понятия «исламизм» (работы Л С Васильева, И П Добаева, А А Игнатенко, И В Кудряшовой, Б Льюиса, А В Малащенко, Д Б Матышевой, С Хантингтона и др.). В рамках данного подхода к проблеме социально-философский анализ, как правило, подменяется аксиологическим: ислам фигурирует как главная ценность Востока, в отличие от западного христианства. В итоге анализ ислама как социального факта маскируется рассуждениями о культурно-цивилизационных различиях между миром ислама и миром Запада.

Следующая тенденция выражается в стремлении отдельных исследователей к идеологическому анализу исламизма (труды А З Арабаджяна, М Р Аруновой, С Э Бабкина, М Ф Видясовой, П Джонсона, В Е Донцова, П Кальвокорресси, А В Кудрявцева, А Р Нортон, Е Д Пырлина, С.Роджерса, В И Сажина, Д Сингерман, Й Я Хаддад, М Ш Умерова, В А Ушакова, И Е Федоровой и др.). В этих работах раскрывается содержание политического заказа, вытекающие из него когнитивные установки и инструментальное отношение власти к проблеме исламизма.

Другая тенденция связана с реализацией т.н. полицейского подхода к проблеме исламизма. В рамках данного подхода отражены мотивация и логика действий властей в отношении религиозной оппозиции: критерий угрозы существующему режиму становится основным при классификации политических и общественных организаций и неформальных групп. В рамках данного подхода работают такие отечественные исследователи, как В Х Акаев, С Е Бережной, А Б Борисов, И П Добаев, П В.Крайнюченко, А В Малащенко, К И Поляков, И М.Сампиев, Ю Л.Тегин, Д Тренин, А Ж Хасянов, М С Юрьев.

Наиболее распространенной тенденцией является разработка проблемы исламизма в соответствии с установками цивилизационного подхода. Данный подход характерен для большинства западных исследователей. При этом используются не только устаревшие клише-идеологии (капитализм, либеральная демократия), но и схемы советологии (свободный мир vs социализм/коммунизм). В итоге исламизм становится субститутком коммунизма. Причины радикализации исламистских движений усматриваются в их антизападной направленности, а причины исламизма объясняются спецификой мусульманской культуры (работы Ф.Аджамы, Ф Бурга, Ж Кепеля, М.Крамера, Б Льюиса, А Мсика, Д Миттера, Д Пайпса, Б Рубина, М Фабриес-Вефайи, Г Фуллера, С Хантингтона, М А Хермасси, С Эмерсона, Д Эспозито).

Позиции, прямо противоположные цивилизационному подходу, занимает критика классического востоковедения. Суть критики состоит в следующем: практическое востоковедение связано с колониализмом, а теоретическое – с европоцентричным нормативиз-

мом Наиболее известным кригиком является палестинский активист Э Саид (*Orientalism*, 1978). В рамках этого подхода работают Э.Карл, Ю.М Почта и др. Критический потенциал критики очевиден. В то же время данный подход не был реализован при исследовании проблемы исламизма. Следует отметить, что критика классического востоковедения и исламоведения имеет существенные ограничения – общие интеллектуальные основания с цивилизационным подходом, а именно: представление о преемственности представлений власти.

Наиболее выраженной тенденцией является разработка проблемы исламизма в соответствии с подходом традиционного страноведения: исследование проблемы исламизма посредством изучения стран исламского ареала, включая их организацию, экономику, политику и идеологию. Данный подход не связан ни с определенной методологией, ни с определенными этико-политическими идеалами, в то же время сильной стороной этого подхода является эмпиризм. Хотя представители этого подхода рассматривают исламизм как объективное социально-политическое явление, но все же первостепенное значение для них имеет его конкретный страновой (социально-политический) контекст. Данный подход представлен как в работах отечественных авторов (Ю В Агавельян, А И Александров, С М Алиев, В В Андреев, А З Арабаджян, М Р Арунова, В М Ахмедов, С.Э.Бабкин, В Я Белокреницкий, М Ф Видясова, С М Гасратян, Л И Данилов, Б В Долгов, С Б Дружиловский, А Ю Журавлев, О В Зотов, Д А Ильвовский, С Н Камнев, Н Г Киреев, В Г Коргун, Ю.В.Лалетин, Р Г Ланда, Ю.А Ли, Н М.Мамедова, Э В Павлуцкая, О В Плешов, К.И.Поляков, В И Сажин, М Ш Умеров, Е И Уразова, В А Ушаков, И Л Фадеева, И Е Федорова, К.З Хамзин, А Ж Хасянов, В П Юрченко), так и зарубежных (З Абыюза, А.Айрес, Д.Биман, Ф Г Гоз (третий), А Джагангир, М Н Катц, Д Курлантзик, Д.Лемко, П.Д.Луонг, С Б Макдональд, Р Мартин, А Р.Нортон, Г Окрухлик, С Роджерс, С Рой, Б Р Рубин, Д.Сингерман, М Хан, Х.Шикали, Р.Юбен).

На наш взгляд, построение теории исламизма невозможно без интеграции результатов исследований в рамках всех перечисленных подходов. Но при выработке отношения к ним следует учитывать идеологический фон проблемы. А В Малашенко показал, что в советских исследованиях до 1991 г. имела место экстраполяция оценок религиозной оппозиции в зарубежных мусульманских странах на ситуацию в СССР.¹ Поэтому в литературе использовалось преимущественно понятие *панисламизма*. Оно отличается от понятия *исламизм* контекстом высказывания. В системе координат официальной советской идеологии на первое место при определении исламизма выходили социально-экономические

¹ См. Малашенко А В 80-е: новый политический старт ислама // Восток 1991. №5 с 56-57

причины, незаинтересованность власти политическим потенциалом ислама и использование инструментария критики идеологии.

Но та же самая ситуация была характерна и для зарубежной советологии. Поэтому перед каждым из перечисленных подходов к исследованию проблемы исламизма стоит угроза повторить судьбу советологии, которая распалась вместе с СССР: «... теперь история оставила от этого некогда обширного комплекса ученой деятельности (советологии) одни концептуальные руины: советология не только не смогла различить признаки грядущего крушения коммунизма, не говоря уже о том, чтобы предсказать его, но и в общем и целом оказалась неспособной объяснить причины этого крушения, когда оно уже произошло»²

По нашему мнению, общим и наиболее важным из методологических пределов указанных подходов к исследованию исламизма является неразличение терминов «понятие» и «концепт». Продуктивнее исходить из того, что исламизм – не понятие, а концепт³

Отсюда вытекает главная проблема, связанная с построением теории исламизма. Если концепт – нерелевантное понятие, он непригоден для нужд теории, поскольку включает текущие политические оценки и ценности. Обращение к *понятию* [исламизма] подразумевает некое единое теоретическое поле, в котором все проблемы решены. Мы исходим из противоположной посылки: не существует целостного знания об обществах, достоверно лишь наличие концептов.

Объектом исследования выступают те научные работы, в которых используется понятие *исламизма*, и связанный с ним комплекс родственных понятий: «исламский фундаментализм», «радикализм», «экстремизм», «терроризм», «политический ислам», «исламская угроза», «фактор», «возрождение», «исламизация» и др.

Предмет исследования – обнаружение нерелевантности концепта *исламизма* в социально-политическом и теоретическом пространстве

При этом мы привлекаем отечественные и американские **источники**. Отечественные представлены в основном изданиями Института Ближнего Востока (монографии, темати-

² Матия М. Из-под глыбы по чисту? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. №5 с 93

³ С.С. Перетина показала, что термин *концепт* связан с анализом проблемы универсализации, потребовавшим расщепления языка и речи. Концепт как высказывающая речь не тождественна понятию. Многие исследователи не закрепили введения нового термина для обозначения смысла высказывания. Поэтому в большинстве философских, социологических и лингвистических концептов отождествляется с понятием. В качестве термина концепт применяется и в постмодернистской философии. Речь рассматривается как игра ассоциации и интерпретации. Она уничтожает любой текст (прежде всего священные тексты). Превращает его в объект властных претензий. Концепт в постмодернистском понимании – это поле распростирающихся в пространстве знаков. Поскольку в речи существуют объективно-языковые формы выражения, термину лингвистически концепт трудно отличить от понятия. Он становится двусмысленным термином. См. Перетина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия М. «Мысль», 2001 в 4-х томах II с 306-307

ческие сборники, выпуски «Ближнего Востока и современности», журнал «Восток»), материалами (монографии, сборники) ИППК при РГУ Американские источники (помимо монографий Б Льюнса и С Хантингтона) представлены статьями, опубликованными в ведущих научных изданиях *Foreign Affairs* и *Current History*, а также размещенных на сайте института MEMRI (Middle East Media Research Institute).

Цель исследования - разведение фактов и ценностей концепта исламизма в рамках политической теории. **Достижение цели предполагает реализацию следующих задач:**

- описание социального пространства концепта исламизма,
- анализ процесса конструирования исламизмологии;
- обсуждение дилеммы междисциплинарности исламизмологии;
- описание множества организационных форм исламистского активизма;
- выявление множества его идеологических доктрин;
- обнаружение противоположности критериев политики и геополитики

Теоретико-методологической основой исследования является конструктивистская модель познания. Она базируется на принципе: действительность конструируется множеством видов социальной практики, обусловленных культурой. Истинность и ложность убеждений зависят от социальных контекстов. Факты – это результат социального производства (воспроизводства), а не открытия. В состав фактов входят концепции, социальный и конвенциональный характер которых замаскирован риторикой, включая политическую. Факты всегда можно размонтировать и преобразовать в интерпретации. Любое знание идеологично и не может быть нейтральным в отношении структур человеческой деятельности. В конструктивизме центральной категорией является *консенсус и его социальное пространство*.⁴ Конструктивистская модель познания – часть интеллектуального движения постмодернизма, в состав которого входят искусство, политика, наука.

Однако в постмодернизме нет конструктивной концепции политики. Прагматика постмодернистского знания не направлена на достижение конкретного результата, который можно утилизировать. Поэтому в диссертации не ставится задача построения позитивной программы исследования *исламизма*. Напротив, автор описывает языковые факты и их прагматические аспекты в рамках процедур деконструкции и интертекстуальности. Деконструктивизм – это скорее метод формулировки исследовательских вопросов, нежели разработки теории политики.

Для критики концепта *исламизма* мы применяем два главных компонента конструктивистского подхода. принцип *деконструкции* и *микроаналитическую стратегию анализа* (как возможность деконструкции). Указанная стратегия реализуется путем рассмотре-

⁴ См. Агафопова М.Ю. Проблема насилия в познании: с. 43-50.57

ния науки в социокультурном контексте: как властные отношения проникают в науку и к каким последствиям это приводит? Микросоциальный анализ позволяет рассмотреть *социальную* составляющую концепта - вненаучные детерминанты его возникновения и функционирования. А деконструкция⁵ направлена на разведение фактов и ценностей в концепте *исламизм*.

В процессе реализации теоретико-методологических установок мы опирались на работы В.П. Макаренко, С. Жижека, М.К. Петрова, М. Фуко, Ж. Бодрийяра и Ж. Деррида. В.П. Макаренко в политической концептологии обосновал необходимость дистанцирования исследователя от реальной политики (и связанных с ней идеологических схем), поскольку последняя обладает «иной фактуальностью» на сравнении с научной. С. Жижек во множестве своих работ последовательно размонтирует идеологию всеобщей текстуальности, обращаясь к социально-политическому контексту идеологий. М.К. Петров рассмотрел комплекс таймированных проблем, возникающих при отсутствии дистанции исследователя от социально-политического заказа. М. Фуко расширил проблематику дистанцирования науки от власти. В целом, наш методологический прицел может быть сформулирован как «политико-идеологический фон vs научная аргументация», т.е. речь идет о критике идеологии, претендующей на научность.

Научная новизна диссертационного исследования заключается:

- в исследовании исламизма как концепта, функционирующего в науке и политике,
- в применении к анализу данного концепта принципа деконструкции и микроаналитической стратегии;
- в конструировании исламизмологии, в рамках которой функционирует концепт исламизма, в качестве объекта критики;
- в формулировании основной дилеммы (политическая теория или изучение культуры?), возникающей при исследовании проблемы исламизма в рамках исламизмологии, а также в обнаружении представлений, образующих *общий* познавательный фундамент ориентализма и антиориентализма;

⁵ Понятие деконструкции использовали Ж. Деррида и Ж.-Ф. Лиотар. По словам Ж. Деррида, движения деконструкции не требуют обращения к внешним структурам. Они оказываются возможными и действительными только пораждая себя лишь внутри структур, в которых обитают. Усомнившись в самом различии между означающим и означаемым или, иначе, в идее знака как такового, нужно сразу же уточнить, что мы не исключаем при этом из некоей наличной истины, предшествующей знаку, существующей вне его и над ним. Скорее напротив. Нам интересуют как раз то, *что* в понятии знака, которое всегда существовало и функционировало лишь внутри истории философии (наличия), определяется - в системном и генеалогическом плане - этой историей. См. Ж. Деррида Ж. О грамматологии. Москва "Ad Marginem" 2000 с. 129, 141. В этом же смысле Лиотар Ж.-Ф. предлагает сделать акцент на языковых фактах, и уже в этих фактах выделить их прагматический аспект. См. Лиотар Ж.-Ф. Указ. соч. с. 30. Автор данного исследования также придерживается этих установок.

- в описании основных аналитических ограничений, препятствующих попыткам построения целостной и исчерпывающей теории, которая бы объясняла существование множества организационных форм исламистского активизма;

- в обнаружении аналитической несостоятельности доминирующего в исламизмологии подхода к изучению исламистских идеологических доктрин;

- в обнаружении аналитической несостоятельности существующих классификаций исламистских режимов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Использование данного концепта в науке объясняется интересами государственных аппаратов и обслуживающих их ученых. Концепт исламизма отличается следующими свойствами: он есть результат многосторонних высказываний по поводу реальной проблемы; обусловлен текущим политическим заказом; несвободен от ценностей, определяющих его смысл и значение в ущерб содержанию; носит манипулятивный характер; проявляется в демонизации и криминализации артефактов (организаций, идеологических доктрин, режимов); приводит к репрессивным политическим последствиям

2. Границы объяснения в концепте исламизма совпадают с границами идеологии. Существует преемственность исламизмологии, советологии и научного коммунизма. Большинство западных ученых и политиков до сих пор используют советологические установки при объяснении феномена исламизма. В отечественной науке пока не изжиты схемы советского обществоведения (упор на критике идеологической составляющей феномена исламизма). Исламизмология привержена этатистским ценностям и является существенной частью идеологического ландшафта современности. В целом, содержание концепта «исламизм» определяется установками текущего идеологического ландшафта науки и политики.

3. Содержание концепта «исламизм» (в рамках объективистского подхода⁶) наталкивается на дилемму: политическая теория или изучение культуры? Данная дилемма - результат произвольно сформулированной проблемы и не может быть разрешена в рамках объективизма. Культурная специфика исламизма открыта для манипуляции и может означать любое случайное содержание. Экскурсы в историю исламской культуры для объяснения текущего политического момента лишают его спонтанности и приводят к механическим представлениям.

4. Поскольку в рамках попыток решить проблему конкретизации смысла и организации фактов, определяемых через концепт исламизма, доминируют не аналитические, а внешние критерии (зависимость исследователя от политического заказа или его политиче-

⁶ Г-е подхода, противоположного конструктивистскому.

ская позиция), постольку большинство классификаций организационных форм исламистского активизма покоятся на отношении к ним власти (степень легальности, уровень угрозы и т.п.) При анализе исламистских организаций не используется категория легитимности

5. Существующие классификации исламистских идеологических доктрин неудовлетворительны: когда основанием для классификации выступает интерес власти, то в качестве «угрозы» (например, для США) обобщаются исламизм правящего режима и исламизм оппозиции (доктрины Кутба и Хомейни).

6. Классификации исламистских (неисламистских) режимов не учитывают основной критерий при анализе режима – степень легитимности. Содержание конкретной классификации зависит от властного заказа. Это приводит к тому, что геополитическая система координат переносится в политическую теорию. В то же время главная ценность политического реализма (сила) противоречит ценностям политической науки (свобода, справедливость). Часто определение режима в качестве «исламистского» не имеет никаких других оснований, кроме указания исследователями на факт приверженности высшего руководства государств исламским символам или популизму.

Научно-теоретическая и практическая значимость диссертации определяется процессом деидеологизации и делегитимизации нормативизма. В данной работе сделана попытка вернуть в политическую науку (как эмпирическую отрасль знания) систему моральных и этических ценностей и альтернатив для связи с политическими действиями. Легитимизация политической науки предполагает ее разрыв с идеологией как средством власти. Однако наука регулируется соображениями не только научного характера. Поэтому неудовлетворительность концепта *исламизма* не всегда можно установить исключительно аналитическими средствами. Теоретический анализ концепта *исламизм* предпочитает выход за пределы конкретного консенсуса, установление причин и факторов его установления.

В исследовании введен (модифицирован) ряд теоретических понятий: исламизмология, манипулятивные стратегии объяснения, криминализация оппозиции, полицейский подход, особая фактуальность реальной политики, демонизация, идеологический ландшафт, тезаурус, локальные теории и локальная легитимность.

Содержание, положения и выводы диссертационного исследования можно использовать при чтении курсов по политологии, политической философии, сравнительной политологии, востоковедению, исламоведению, а также спецкурсов, посвященных соответствующим проблемам.

Апробация работы. Основные положения диссертации докладывались на научной конференции «Третьи Петровские чтения», посвященной памяти М К Петрова (Ростов-на-Дону, факультет философии и культурологи РГУ, 2005 г.), на методологическом семинаре отделения политологии факультета социологии и политологии Ростовского государственного университета.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре политической теории факультета социологии и политологии РГУ.

Структура диссертационной работы подчинена решению задач и включает: введение, две главы (состоящие из 6 параграфов), заключение и список литературы, насчитывающий 123 наименования. Общий объем диссертации 140 страниц.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность и разработанность темы, определяются цели и задачи исследования, формулируются научная новизна, положения, выносимые на защиту, теоретико-практическая значимость, апробация и структура диссертации

В первой главе «Политический смысл концепта «исламизм» рассматриваются социально-политический контекст появления концепта *исламизм* и его влияния на реальную политику. Дистанцирование от текущих идеологических установок в науке и политике позволяет вести критику на трех направлениях: 1) политический резонанс (научная легитимация криминализации оппозиции) как следствие такого исследовательского подхода; 2) новая идеология как форма бытования теорий в рамках исламизмологии, 3) междисциплинарность как следствие реализации произвольно сформулированной проблемы

В первом параграфе «Наука и власть: социальное пространство концепта «исламизм» обосновывается методологический выбор. Рассматриваются компоненты конструктивистского подхода, который применяется в качестве единого комплекса для критики концепта исламизма: принцип *деконструкции*, *микроаналитическая стратегия анализа*. Определяются основные понятия, которые используются в исследовании

Объяснение текущих политических реалий (включая феномен исламизма) с позиций объективизма оборачивается легитимацией статус-кво. С этих позиций рассматриваются существующие подходы к изучению исламизма, критика связанной с ними легитимации, характерные для этих подходов способы т.н. *аргументации объективистского объяснения*. Последнее понятие связано с различением функционалистского и реляционного типов объяснения: функционалистский тип объяснения соответствует объективистскому, а реляционный – конструктивистскому⁷ Критика скрытых легитимаций определяется их

⁷ См. Макаренко В.П. *Русская власть: теоретико-социологические проблемы*. Ростов-на-Дону, 1998. с. 183

дисперсностью по аналогии с властью⁸

Вышеуказанные задачи критики основаны на альтернативе Н Хомского, согласно которой важно выяснить: определяют ли себя представители интеллигенции в качестве социальных менеджеров (намерены превратиться в технократов, государственных чиновников или служащих частного сектора) или отождествят себя с производительной силой, интеллектуально участвующей в производстве?⁹

Из признания такого подхода вытекает ориентация на демаскировку манипулятивной сути объективистской стратегии. Манипулятивный характер вытекает из необходимости объяснения учеными реальной политики, в которой значение политических фактов устанавливается задним числом. Поэтому невозможна объективная постановка проблемы *исламизма* со стороны ученых, если они зависимы от политического заказа и руководствуются властно-инструментальным отношением к проблеме. Развивая эти положения, мы рассматриваем особую фактуальность реальной политики (значение фактов устанавливается *постфактум*), а также основные идеи реализма, в рамках которого сформулирована логика поведения государств в международной политике. Поскольку реальная политика нуждается в легитимации, постольку специфическая логика объективистского объяснения состоит в исключении проблемы легитимности из политической науки.

Конструирование исчерпывающего списка манипулятивных стратегий объяснения – задача будущего. На данном этапе исследования мы выделяем стратегии демонизации и криминализации.

Демонизация связана с конструированием конспиралогических теорий, смысл которых совпадает с содержанием текущего политического фона. В основании криминализации лежит не научная, а полицейская логика – специфическая когнитивная установка административного органа (полиции, ГБ), которая определяет восприятие, ход рассуждений и умозаключений по поводу охраны государственной безопасности. Критерии степени угрозы существующему режиму и степень легальности являются основными при классификации политических и общественных организаций и неформальных групп.

Во втором параграфе «Конструирование исламизмологии. Исламизмология как идеология» устанавливаются хронологические границы появления концепта *исламизм*. В качестве примера рассматривается переход от доминировавшего в СССР концепта «пан-исламизм» к концепту «исламизм» (начало 1990-х гг.), описаны их смысловые отличия. В настоящее время концепт *исламизма* функционирует схожим образом во множестве работ. Мы терминологически ограничиваем этот сегмент научных работ, совпадающий с грани-

⁸ См. Интеллектуалы и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. с. 68-69.

⁹ См. О природе человека. Справедливость против власти // Фуко М. Указ. соч. с. 208.

цами отдельного научного направления. Последнее мы обозначаем как *исламизмологию*. Подобный лексический гибрид образован по аналогии с такими понятиями как советология (советология и исламизмология имеют общие идеологические координаты), регионология (это понятие использовалось М.К.Петровым исключительно в критическом ключе и обозначало сконструированную им модель гипотетического научного направления), «коммунистология» М.Фуко (определяемая через категорию догмы).

При определении исламизмологии указано различие между ней и исламоведением: принадлежность текстов к разряду исламизмологических определяется использованием концепта исламизма. Изучение исламизма как некоего объективного феномена приводит к тому, что «исламизм» начинает функционировать на уровне должностования. При этом особое внимание уделяется политическим целям исламистов. Но декларируемые политические цели (как элемент политической риторики) не являются релевантным критерием для политической науки. Политический анализ нередко пренебрегает изучением политических причин: причины исламизма усматриваются в социально-экономической сфере, особом духовном складе мусульман, при этом не упоминается политический контекст исламизма.

Возможность критической постановки проблемы в исламизмологии осложняется противоположностью между научным и административным подходом к реальности. Логика становления исламизмологии напоминает описанную М.К.Петровым гипотетическую регионологию. В обоих случаях действует общая логика становления «дисциплины». Исламизмология оперирует концептом исламизма, к которому вполне применимо определение «понятие-спутник». Такие словесные конструкты могут обозначать любое случайное содержание. Одновременно критика блокируется вследствие действия факторов академического опосредования и административного заказа. Это ведет к появлению представления о новом (исламизмологическом) порядке реальности. Концепт исламизма превращается в «понятие-спутник» при попытках применить его в теории. Социальный (в случае исламизмологии - властный) заказ влечет за собой особый прицел при постановке проблемы: текущие проблемы власти произвольно кроют объект исследования.

Концепт - это единица и принцип функционирования знания. Идеология - это поле действия концептов. На основе различия между ними исламизмология есть идеология. Конструктивистская модель исследования постулирует идеологический характер научного знания. Каков же «идеологический ландшафт и координаты» исламизмологии?

Идеологические ландшафты западной исламизмологии и советологии совпадают. Политическая наука Западе в значительной мере строилась с опорой на концепт коммунизма. Поэтому к советологическому смыслу понятия коммунизм можно применить те же

претензии, что и к понятию исламизм. Д.Эспозито, Б.Льюис, С.Хантингтон, Г.Фуллер, А.Менк, Ф.Аджами и прочие авторитеты используют устаревшие обществоведческие и идеологемы (капитализм, либеральная демократия) и старые схемы советологии (свободный мир vs социализм/коммунизм). В итоге исламизм (исламский мир) становится субститутом коммунизма.

Отечественная исламизмология пока не освободилась от категорий и объяснительных схем исторического материализма и советских обществоведческих нарративов. А.А.Игнатенко показал: советский подход при оценке исламской революции в Иране заключался в том, что исламизм (и ислам) рассматривался в категориях ложного сознания – идеологии, которая скрывает чей-то прагматический интерес. При таком подходе исламизм есть идеология. Эту эпифеноменальность ислама хорошо выразила метафора прикрытия. Иначе говоря, идеологический ландшафт оказывает решающее воздействие на содержание концепта исламизма.

Текущие идеологические координаты функционирования концепта исламизма незначительно отличаются от советских. Сегодня в США и в других западных странах доминирует контекст империи. Понятие «империи» преподносится как нечто принципиально новое. Однако содержание остается старым: это модифицированная советология. Сквозь эту призму стало модным рассматривать и исламизм.

Исламизмология в значительной степени совпадает также с цивилизационным подходом. Например, теория С.Хантингтона о «столкновении цивилизаций» – «непризнаваемое иное» исламизмологии. Ключевое положение теории С.Хантингтона: основная проблема Запада – не исламский фундаментализм, а ислам, иная цивилизация. Поэтому факты нередко конструируются на основании ценностей или путем экстраполяции оценок одного социально-политического контекста в другой. Примерами такой предубежденности могут служить западные оценки Кемалья Ататюрка и М.Хатами, а также противопоставление консерваторов и реформаторов в Иране. Кроме того, распространенный концепт «война с террором» во многом совпадает с границами концепта исламизм. С.Жижек и А.Каттиникос показали: «война с террором» ударила главным образом по антиглобалистскому движению.

Третий параграф «Дилемма междисциплинарности исламизмологии: политическая теория или изучение культуры?» посвящен анализу междисциплинарности и дилемме исламизмологии. Междисциплинарность выражается в нетождественности предмета и методов. Исламизмология не имеет специальных изданий. В то же время данная тематика рассматривается в изданиях широкой тематической направленности.

Исламизмология - гибридная отрасль социогуманитарного знания. Она сталкивается с типичными проблемами гибридных отраслей: практически все ее «теоретические» понятия имеют гибридную природу, их объединяет только прилагательное исламистский (или исламский), например: исламский радикализм, исламский экстремизм, исламистская идеология, исламистская оппозиция, исламистский (религиозно-политический) активизм и др. Однако данные понятия непроблематизируемы и могут рассматриваться только в культурном контексте.

Существуют два прогивоположных взгляда на проблему изучения восточных (в т.ч. исламской) культур – ориентализм и антиориентализм. В обоих случаях наличие (отсутствие) критической перспективы не приводит *de facto* к отказу от культурных исследований. Причина этого – общее основание ориентализма и антиориентализма: представление о пресмственности представлений власти. Антиориентализм строит на основе этого представления критику культурных исследований (ценность истории изучения восточных культур для критики западной политики в отношении восточных обществ). Ориентализм доказывает их необходимость (ценность истории изучения восточных культур для нужд западной политики).

В обоих случаях политическая конъюнктура опрокидывается в прошлое. Ориентализм пытается объяснить сегодняшние реалии с помощью изучения культурной специфики Востока. Это приводит к представлению о предзаданности траектории развития Востока, лишает политику восточных обществ элемента спонтанности, ведет к культурному детерминизму. Антиориенталистские схемы тоже страдают культурным детерминизмом. Однако последний связан с описанием политики западного колониализма. Оба подхода, так или иначе, редуцируют политическую историю отношений Востока и Запада. Большая часть политических фактов превращается в доказательную базу, лишаясь даже намека на случайность, не учитываются исторические альтернативы, изменчивость реальной политики. В то же время содержание «жизненных интересов» власти по разрешению той или иной политической ситуации всегда изменчиво.

Для объяснения религиозно-политического феномена эксперты привлекают багаж востоковедения, истории, исламоведения и др. При анализе и определении политической значимой деятельности исследования культуры уводят в сторону. Анализ конкретных политических действий и практик должен замыкаться на конкретные политические причины и факторы. Мы не оспариваем утверждение Б.Льюиса о том, что серьезное изучение страны и региона предполагает изучение языков; без этого социологическая и политологическая практика поверхностны. Однако политическая наука отличается от исследований культуры тем, что здесь не может быть приоритета толкователя текста-филолога: он не

имеет монополии на политическую истину, хотя может претендовать на истину культурную.

Разрешима ли вообще дилемма «политическая теория или изучение культуры»? На наш взгляд, в культурном контексте отношение к его универсальным ценностям нередко носит инструментальный характер. А восприятие со стороны ведет к абсолютизации культурных норм и механистическим выводам. Инструментальное отношение к исламу обычно подчинялось текущим политическим нуждам. Если же предпочесть изучение культуры анализу политических причин, происходит мифологизация проблемы.

В то же время невозможно отрицать культурную специфику ислама при интеграции исследований культуры в политическую теорию. Необходимо учитывать наиболее важные аспекты исламской религии, которые исламисты обычно проецируют на политику. Эти аспекты одновременно являются элементами политической риторики исламистов и социокультурными кодами. Здесь использование исламоведческих наработок вполне оправдано, поэтому мы рассматриваем параллели между риторикой исламистов и протестантов: значимость шариата в контексте различия между классическими исламскими и современными западными взглядами на природу закона и власти; институциональную специфику *уммы* и характерную для нее недифференцированность институциональной структуры мусульманских обществ; систему официального ислама в контексте его институциональной особенности (официальный ислам - иерархизированная ветвь госаппарата; институциональная структура *уммы* обеспечивает эгалитаристский способ организации).

Данная дилемма - результат произвольно сформулированной проблемы и не может быть решена в рамках объективистского подхода. Культурная специфика исламизма всегда открыта для манипуляции.

Во второй главе «Проблема построения теории исламизма» отмечается, что для раскрытия содержания концепта исламизма исламизмология должна организовать в рамках единой теоретической модели разноплановые элементы: исламистские организации, идеологические доктрины и режимы. Все эти аспекты проблемы множества сосуществуют в большинстве работ. Имеющиеся классификации и таксономии произвольны с точки зрения предмета, но достаточно логичны с точки зрения исследовательского прицела, поскольку их определяет власть.

Данное множество классифицируется как тезаурус исламизмологии. Тезаурус исламизмологии оформился достаточно давно. Так, в словаре «Ислам» (М., Политиздат, 1988) дается отсылка к именам, понятиям, фактам, имеющим отношение к так называемому по-

литическому исламу: «Абдо»¹⁰, «Афгани», «Братья-мусульмане», «Джинна», «Зеленая книга», «исламская демократия», «исламская пропаганда», «исламская революция», «исламская солидарность», «исламская экономика», «исламский банк», «исламский путь развития», «исламский социализм», «исламское возрождение», «Лига исламского мира», «международные мусульманские организации», «модернизация ислама», «Мусульманская лига», «мусульманский национализм», «мусульманский фундаментализм», «мусульманский экстремизм», «мусульманское реформаторство», «Организация Исламской Конференции», «панисламизм», «Телегани», «Федаяне ислам», «Хезбуллахи», «Хомейни», «Шаритмадари». Очевидно, что за последние десятилетия этот словарь значительно расширился. Междисциплинарный тезаурус исламизма постоянно пополняется политической наукой и экспертным знанием. Приводимые элементы тезауруса не выводятся с необходимостью друг из друга. Отсутствие концептуальной схемы вообще часто подменяется агрегированием, то есть объяснение некой области фактов делается с помощью перечисления множества факторов. Такие «предпосылки», как история, религиозные основания, «институциональные» предпосылки расширяют тезаурус. Равновесие данного тезауруса поддерживается доминирующей схемой Д.Эспозито. В своей типологии исламской политической мысли он выделяет консервативное, неотрадиционалистское (неофундаменталистское) и реформаторское (неомодернистское) направления. С известными оговорками, данное различие составляет систему координат исследований политического ислама.

Существуют следующие распространенные принципы организации материала в исламизмологии: 1) историческая канва, в основе которой «лежат дискурсивно упорядоченные факты»; 2) системная мифология, которая сводится к попыткам обнаружить жесткую каузальность между всеми элементами исламизма; 3) ранжирование, ставшее универсальным с общего согласия, а не в силу логической, эмпирической доказанности.

В четвертом параграфе *«Проблема множества организационных форм исламистского активизма»* отмечается: единственным возможным основанием классификации множества организаций могут быть только внутренние критерии гипотетического исламизма, т.е. наличие особого исламистского активизма. Его уникальность должна перевешивать все другие возможные классификационные основания при анализе политической деятельности исламистов и классификации множества исламистских организаций. Если такой специфики не обнаружится, то станет понятен манипулятивный смысл любых классификаций исламистских организаций. Эти классификации основаны на внешних случай-

¹⁰ Имена собственные даются здесь в кавычках, поскольку в рамках исламизмологии они превращаются в концепты – «самоочевидные», несвободные от ценностей, образующие доказательную базу.

ных соображениях власти, на отношении к ним власти. А это отношение никогда не определяется «вневременными высшими целями», а конкретным политическим моментом

Существует множество организаций и групп, определяемых как исламистские. Широкий ареал их распространения подталкивает к постановке вопроса: в чем специфика исламизма как специфической формы политического активизма? Однако на этот вопрос невозможно ответить на теоретическом уровне. *Во-первых, никакой специфики у гипотетического исламского активизма никто не обнаружил.* Зато общим местом при раскрытии специфики исламистского активизма стало указание на политические цели исламистов. Следуя этой логике, мы должны обратиться к их политической риторике, в которой создание исламского государства является центральным моментом. Однако ничего конкретного о будущем государственном устройстве исламисты не говорят. Таким образом, политические цели исламистов, через которые определяется специфика исламистского активизма в истацизмологических работах, носят неопределенный характер, отсутствует позитивная политическая программа. Даже те современные государства, которые претендуют на статус исламских, не отличаются от современных неисламских государств какой-либо специфической структурой или функциями. Более того, понятие «исламского государства» может легитимировать любой тип режима, в т.ч. светского (Египет)

Во-вторых, проблема множества здесь усугубляется неравнозначностью различных организационных форм гипотетического исламистского активизма. Хотя большинство исследователей указывает на неоднородность исламского движения, при конкретном анализе исламские общественно-политические организации и террористические группы зачастую объединяются в одну массу без различения особенностей идеологии и практики таких организаций, без изучения природы первых и вторых. Это приводит к поспешной, неосновательной характеристике исламского движения как антидемократического, угрожающего политической стабильности в определенном регионе или во всем мире, само существование которого свидетельствует о фатальном «столкновении цивилизаций»

То же самое можно сказать о выделении поколений и сект в исламизме¹¹. Хотя «секта» как понятие содержит оценку власти, понятие секта позволяет сконцентрироваться и на проблеме функционирования группы, что может помочь объяснить природу феномена религиозного фанатизма, без привлечения широкой объяснительной базы (природа рели-

¹¹ Например, И.П. Добась выделяет четыре поколения (волны) в развитии неправительственных религиозно-политических организаций. Однако в ходе анализа оказывается, что поколения связаны только тем (не считая риторики), что они *стались* и появлялись в определенной *последовательности*. А.А. Игнатенко подает, что изучать исламский радикализм «научно означает с позиций исламоведения». Однако в итоге обосновывает понятие нового исламского сектантства, что не объясняет по истинности составляющую актуальности исламистских организаций. По сути, использование понятие сектантства тавтологично, если мы пытаемся определить специфику исламистского религиозно-политического активизма. К тому же понятие секты не всегда применимо к современным организациям.

гии, политические и социально-экономические проблемы, заговоры и т.п.) Так, по мнению Р. Хардина, именно группа в основном производит и поддерживает фанатизм. Фанатизм – это скорее социологическое, а не психологическое понятие. Фокусировка на отдельном фанатике может привести к предположению, проблема заключается в природе веры и степени ее отличия от других верований/убеждений.

В параграфе рассматривается международный аспект исламистского активизма. Различные международные организации имеют привязки к конкретным режимам, включая группу организаций, известных под общим названием «Братьев-мусульман». Анализируется также исламистский ультрарадикальный активизм (терроризм) и сделаны выводы: исламистский терроризм неотличим от любых проявлений современного терроризма; исламистский терроризм имеет мало общего с культурной традицией ислама.

Есть вопрос, который нередко озадачивает исследователей: террор исламистов против интеллигенции, а не против режима. Данный террор мотивирован, поскольку многие интеллектуалы в странах ислама принимают правительственное утверждение исламистов, следует преследовать и не давать им войти во власть или включаться в политическую деятельность.

В пятом параграфе «Проблема множества исламистских идеологических доктрин» рассматривается специфика исламизмологического подхода к исследованию идеологий. Он связан с экстраполяцией оценок власти в теорию: идеологии описываются с точки зрения политических последствий для власти, а не политических ценностей, на которых они основаны.

В рамках исламизмологии исследователи пытаются сконструировать единую интеллектуальную линию, поэтому различные идеологические доктрины описываются ими как *версии исламистской идеологии*. Используются и некорректные приемы: выведение исламистской идеологии из ислама, учения аль-Ваххаба, работ модернистов (М. Абдо, Д. Афгани, Р. Рида), краха светских идеологий. Данные варианты означают лишь одно – произвольность и многовариантность решения этого вопроса. В исламизмологии нередко делается акцент на исламской или антизападной составляющей идеологических доктрин. Не менее распространена еще одна ошибка: представление о рациональности, т.е. источкование идеологии на основе ее нынешних последствий¹². Конкретные версии гипотетического исламизма свидетельствуют о том, что они являются ответом на самые разные проблемы, в их основании лежат разные политические взгляды: от радикальных тесных до

¹² Следует подчеркнуть, что С. Кутб не ставит целью появления маргинального терроризма и экстремизма, а лишь Хомейни претерпел эту позицию от критических до апологетических.

крайнего этатизма, от неприятия национальной идентичности до «умеренной позиции» (т.е. фактического согласия) по этому вопросу

Согласно исламизмологическим представлениям, ядро исламизма составляют взгляды Маудуди, Кутба и Хомейни. Но если лексика Маудуди полна абстрактными понятиями обществоведческого словаря, то языки Кутба и Хомейни несут конкретное политическое содержание, поскольку привязаны к конкретным политическим ситуациям. С Кутб дается системная критика власти, а Хомейни оперирует патриотической риторикой. Этим идеологам приходится определяться в различных политических ситуациях: проблема оппозиции в условиях репрессивного режима для С. Кутба; проблема консолидации режима для Хомейни. У Маудуди же содержатся лишь общие рассуждения о тенденции развития мусульманского общества.

Если раньше исламская составляющая в идеологиях мусульманского мира в упор не замечалась исследователями (оценки не выходили за рамки «культурной специфики», «честного колорита»), то теперь однозначно переименовываются все идеологические искания арабов, турок, иранцев, делается акцент на исламской составляющей идеологий Нассра, Каддафи и др. Порой и положение о крахе светских идеологий (ставшее символом веры и обязательным элементом исламизмологических литургий) рассматривается как закономерный и неизбежный процесс, приведший к исламскому возрождению. Хотя «светские идеологии» представляли собой не более чем «идеологические гибриды», служившие атрибутом власти и средством ее легитимации.

Различие между доктринами С. Кутба и Р. Хомейни носит принципиальный характер. Однако для некоторых исследователей более значима принадлежность к общей культурно-религиозной традиции. Парадоксальным образом политическая позиция Кутба больше соответствует шиизму, а доктрина Хомейни – суннизму. Но этот парадокс исчезнет, если признать политическая позиция автора важнее его абстрактной культурной принадлежности.

В шестом параграфе *«Проблема классификации режимов: критерии политики и критерии геополитики»* анализируются имеющиеся классификации режимов стран исламского ареала. Отмечается неудовлетворительность понятий исламского региона, Востока, цивилизации, поскольку эти понятия предполагают некую целостность. Проанализированы такие общепринятые понятия, как «Ближний» и «Средний Восток». Смысл данных понятий сильно трансформировался: произошла диффузия смыслов этих понятий и понятия «страны исламского ареала». Данные коннотации проявляются в постановке проблем.

Анализируются имеющиеся классификации режимов. Основным объектом критики выступает альтернатива ближневосточных стран, предложенная американскими исследователями после исламской революции в Иране: военная диктатура или власть религиозных фанатиков. Сделан вывод: классификационная альтернатива «муллы vs военные» не работает. Суть режимов в исламских странах одна и та же: монархии, светские и геократические режимы - недемократичны. Фасадная исламизация режимов вводит в заблуждение при классификации режимов как исламистских или неисламистских.

Рассматривается также еще один общий элемент политической риторики исламистов - исламская экономика. Аппелляция к ней может вводить в заблуждение при попытках классификации режимов. Результаты воплощения идеалов исламской экономики (Иран, Пакистан) показывают, что она (как и всякий популизм) скрывает конкретные политические интересы.

Отмечаются относительная устойчивость и безальтернативность исламизма, которые обусловлены не социальными причинами или культурной спецификой ислама как религии, а политическими причинами: относительная сила исламистской оппозиции обусловлена слабостью альтернативных источников оппозиции, которые устраняют диктаторские режимы.

Автор обращается к дискуссии, развернувшейся в американской науке в связи с переосмыслением роли США в исламском мире. В рамках дискуссии обсуждаются следующие вопросы: причины антиамериканизма исламистской оппозиции, союзнические отношения США с недемократическими авторитарными режимами, станет ли демократия панацеей против исламистского терроризма.

На основе анализа нынешних попыток США «демократизировать» ближневосточный регион (на примере Ирака) автор показывает: программа демократизации Ближнего Востока дает заметные сбои уже на первом этапе ее реализации - создании проамериканского режима. Автор соглашается со С.Жижексом: «принесение демократии» на Средний Восток имеет гораздо более серьезные политические последствия. Более значимым оказывается даже не глобальное политическое переустройство на Ближнем Востоке, но переустройство самого американского общества, а именно - изменение его политического порядка.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшей разработки проблематики: вводится понятие локальных теорий и предлагается исследовательская альтернатива: политическая наука или политическая концептология.

III. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- 1 Котеленко Д Г Теоретико-методологические проблемы исследования исламизма // Труды аспирантов и соискателей РГУ Том X Ростов-на-Дону, 2004 – с 259-262 (0,2 п л)
- 2 Котеленко Д Г Исламизм как проблема политической теории // Научная мысль Кавказа 2005, №2. Приложение – с. 18-22. (0,2 п л)
- 3 Котеленко Д Г Исламизм и проблема изучения мусульманской культуры в политической теории Ростов-на-Дону: ООО «ЦВВР», 2005. (1,3 п л)

Издательство ООО «ЦВВР». Лицензия ЛР № 65-36 от 05.08.99 г.
Сдано в набор 8.08.05 г. Подписано в печать 8.08.05 г. Формат 60*84 1/16
Заказ № 631. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс»
Оперативная печать. Тираж 100 экз. Печ. Лист 1,0. Усл печ.л. 1,0
Типография: Издательско-полиграфический комплекс «Биос» РГУ
344091, г. Ростов-на-Дону, ул. Зорге, 28/2, корп. 5 «В», тел. (863) 247-80-51.
Лицензия на полиграфическую деятельность № 65-125 от 09.02.98 г.

№ 14832

РНБ Русский фонд

2006-4

10410